

Всю дорогу Жуньшэн молчал. С неба начал сыпать снег, и обледеневший под ним асфальт стал до опасного скользким. Но Жуньшэн гнал вовсю, так что Юйцину приходилось изо всех сил налегать на педали, только чтобы не отстать.

— Да помедленнее ты! — крикнул он.

Жуньшэн даже не обернулся.

— Ну я же просто пошутил, — обиженно протянул Юйцин. — Не сердись. Ну хочешь, извинюсь?

Он потянулся рукой вперёд, пытаясь ухватиться за багажник велосипеда Жуньшэна, но в этот момент колесо на что-то наехало. Руль резко вильнул, шина жалобно зашипела, и велосипед завалился набок — ехать дальше было невозможно.

Юйцину пришлось спешиться. Осмотрев колесо, он обнаружил, что в шину намертво вонзилось несколько толстых гвоздей. Воздух со свистом выходил наружу. Юйцин с досадой вздохнул, глядя на обмякшую покрышку.

Он и не заметил, как Жуньшэн развернулся и подъехал обратно.

— Что стряслось? — в его голосе сквозило неподдельное беспокойство.

Будто и не он только что дулся из-за пустяка. Впрочем, обиды между ними никогда не держались долго.

Юйцин тоже мгновенно забыл о размолвке.

— Прокололся. Какой-то недотёпа рассыпал тут гвозди и не убрал за собой.

Жуньшэн потянул его за рукав:

— Не стой на дороге, опасно.

Они перебрались на тротуар.

— А у тебя как? — заволновался Юйцин. — Колёса целы?

Жуньшэн скользнул взглядом по своему велосипеду:

— Мой цел.

Юйцин с облегчением вздохнул и посмотрел на потемневшее небо:

— Надо бы в ремонт заглянуть, а то завтра в школу не на чем ехать будет. Слушай, поезжай вперёд, я дам тебе ключи. Ты же совсем легко одет... А снег, кажется, только расходится.

Жуньшэн вложил руль своего велосипеда в его ладони, а сам легко подхватил покалеченный транспорт Юйцина:

— Пустяки. Всё равно домой возвращаться неохота.

Неподалеку от дороги действительно оказалась ремонтная мастерская. Возле неё уже скопилась приличная куча велосипедов. Жуньшэн дотащил туда сломанный байк и крикнул хозяину:

— Нам починить надо!

Ремонтником оказался парень не сильно старше их самих. Из-под его засаленных обшлагов виднелась синеватая, полустёртая татуировка — не разобрать какая. Он лениво окинул взглядом велосипед Юйцина, затем перевёл взор на школьную форму, надетую поверх курток:

— Дырка здоровая, заплатку не поставить. Только менять.

— Может, всё-таки заклеите? — попросил Юйцин. — Менять покрышку дороговато.

Парень посмотрел на него исподлобья:

— Тогда ищи другую мастерскую. У меня только замена. Тут и камера, и шина в лохмотья, клеить — только время терять.

Юйцин хотел было поспорить, но Жуньшэн перебил его:

— Меняй. Поставь хорошую. И давай побыстрее, мы торопимся.

С этими словами он достал из кармана купюру и протянул ремонтнику. Тот глянул сначала на парня, потом на деньги и молча отсчитал сдачу.

За звонкую монету дело сразу зашпорило. Мастер работал расторопно, так что новенькое колесо встало на место в два счёта. Оседлав велосипеда, ребята снова покатались сквозь кружащую метель.

Из-за этой задержки они вернулись слишком поздно — столовая Авиационного городка уже закрылась. Юйцину ничего не оставалось, кроме как утащить Жуньшэна к себе ужинать. Заодно он попытался всучить ему деньги за ремонт, но тот наотрез отказался, и Юйцин не стал настаивать.

За окном по-прежнему мело. Закончив с домашней работой, Жуньшэн устроился на кровати Юйцина с книгой, которую выудил из шкафа Чжоу Хуэй. Когда Юйцин вернулся из умывальника, то застал друга свернувшимся калачиком. Лицо Жуньшэна казалось неестественно бледным, а книга сиротливо лежала на углу письменного стола.

Юйцин тихонько подошёл и присел рядом на край матраса.

— Я положил тебе новую зубную щётку у раковины... Что с тобой? Плохо себя чувствуешь?

Жуньшэн промолчал, лишь сильнее сомкнул веки. Юйцин осторожно коснулся ладонью его лба:

— Проквозило по дороге? Может, грелку принести?

Но Жуньшэн внезапно уклонился от прикосновения и резко сел:

— Не трогай меня.

Юйцин растерянно почесал затылок, не понимая, какая муха снова укусила друга.

— Ты всё ещё дуешься из-за той глупой шутки?

— Нет, — буркнул Жуньшэн.

Юйцин окончательно запутался. С самого детства характер у Эрмяо был колючим и своенравным, но теперь это упрямство, казалось, лишь обострилось. Раньше Юйцину казалось, что он знает друга как облупленного, но сейчас эта уверенность улетучилась. Мысли Эрмяо сделались настолько дремучими, что разобраться в них было сложнее, чем в школьной физике.

Юйцин вздохнул и пошёл наполнять грелку горячей водой. Вернувшись, он застал Жуньшэна в той же позе — тот неотрывно, словно заворожённый, смотрел на оставленную книгу.

Юйцин вложил тёплую резиновую грелку ему в руки, а сам потянулся к томику. Оказалось, это был справочник по клинической психиатрии и классификации душевных расстройств.

— Да что с тобой творится? — Юйцин заглянул другу в лицо. — Где болит?

Взгляд Жуньшэна потемнел.

— Везде, — глухо бросил он, после чего резко поднялся и вышел из комнаты.

Вновь оставшись один, Юйцин задумчиво перелистнул несколько страниц медицинского справочника. В груди поселилась смутная тревога.

Жуньшэн вернулся лишь спустя добрых полчаса и сразу же щёлкнул выключателем, погружая комнату во тьму. Когда оба улеглись под одно одеяло, Юйцин не выдержал и негромко спросил:

— Ты боишься... что с тобой случится то же самое, что с твоим дедушкой и дядей?

Долгое время ответом ему был лишь шорох падающего за окном снега. Наконец Жуньшэн глухо отозвался:

— Наверное.

— Не выдумывай глупостей, — мягко возразил Юйцин. — Наследственность — штука сложная, это чистая лотерея. К тому же твоя мама ведь абсолютно здорова.

— Она? Здорова? — в голосе Жуньшэна прозвучало горькое недоверие.

Юйцин прикусил язык. Скажи он сейчас «да», вышло бы, что он оправдывает Сюй Цзинцзин, а Эрмяо от этого только сильнее замкнётся в себе. Затянувшаяся пауза заставила Жуньшэна заговорить ещё тише, почти шёпотом:

— Доудоу... Если в один прекрасный день я совсем сойду с ума... ты... ты не бросишь меня? Будешь общаться со мной, как сейчас?

В этих тихих словах сквозило такое отчаяние, что у Юйцина сжалось сердце. Нащупав в темноте плечо друга, он крепко обнял его и горячо прошептал:

— С твоей головой всё в порядке, прекрати накручивать себя. И запомни: что бы ни приготовило нам будущее, ты навсегда останешься моим самым близким другом.

— Другом, значит... — эхом отозвался Жуньшэн.

Напряжение в его теле немного спало, хотя в голосе всё ещё чувствовалась лёгкая грусть.

Юйцин изо всех сил лихорадочно соображал, какие ещё слова подобрать, чтобы утешить его,

но ничего путного в голову не приходило. Тогда он просто придвинулся ближе и уткнулся лбом в его плечо:

— Всё, отставить глупые мысли. На, держи, разрешаю.

Жуньшэн запнулся, переведя дыхание:

— Разрешаешь что?

— Голову погладить, глупый, — фыркнул Юйцин. — Сам же говорил, что тебе от этого легче становится.

Жуньшэн как-то разочарованно выдохнул. Но руку всё же протянул и принялся взъерошивать его мягкие волосы:

— И за что мне всё это... Всё из-за тебя.

— А я-то тут при чём? — искренне возмутился Юйцин.

Но Жуньшэн лишь тихо вздохнул:

— Спи уже, горе луковое.

Остаток ночи выдался беспокойным. В детстве им без труда хватало одной кровати на двоих, но теперь, когда они вытянулись, старый матрас стал казаться невыносимо узким. Длинноногий Жуньшэн развалился чуть ли не на три четверти постели, и Юйцину пришлось ютиться на самом краешке, балансируя на грани падения.

Где-то посреди ночи, пребывая в полузабытьи, Юйцин попытался повернуться на другой бок, но обнаружил, что Жуньшэн мёртвой хваткой вцепился в него, подмяв под себя. От тела друга исходил сильный жар, и Юйцин весь взмок от чужого пота. Почувствовав неладное, он слабо пихнул Жуньшэна в плечо и пробормотал:

— Пусти... задушишь же. И жарко как в бане.

Но Жуньшэн не только не отстранился, а, наоборот, сжал объятия ещё крепче. Его дыхание стало прерывистым и хриплым, а кровать под ними мелко дрожала. Юйцин с трудом разлепил веки.

"Кошмар снится, что ли? — сонно подумал он."

Повинуясь смутному порыву, он погладил Жуньшэна по вздрагивающей спине и тихонько позвал:

— Эрмяо?

Тело Жуньшэна внезапно напряглось, совершив несколько судорожных толчков, после чего дыхание его постепенно выровнялось. Юйцин осторожно похлопал его по плечу — друг по-прежнему спал. Видимо, дурной сон наконец отпустил его.

"Наверное, растёт во сне, — сквозь накатывающую дремоту лениво размышлял Юйцин. — Куда уж выше-то, хоть бы пару сантиметров мне отсыпал..."

Аккуратно выпутавшись из горячих объятий, он отполз на самый край и мгновенно провалился в глубокий сон.

Когда оглушительно зазвонил будильник, за окном стояла кромешная тьма. Юйцин завозился под одеялом, потянулся и случайно задел локтем соседа. Открыв глаза, он ошарашенно замер: Жуньшэн лежал, уткнувшись лицом чуть ли не в его пах, и заворожённо, глуповатым взглядом пялился прямо туда.

От неожиданности Юйцин мигом растерял все остатки сна и резко сел:

— Ты чего там потерял?!

Жуньшэн вздрогнул, будто пойманный на месте преступления, и поспешно отпрянул, делая независимый вид:

— Да так... У тебя шов на штанах разошёлся. И вообще, спишь как юла, у меня из-за тебя вся шея затекла.

Юйцин сладко зевнул:

— Места мало, вот и кручусь.

Он снова поглубже зарылся в тёплое одеяло, надеясь выкроить ещё пару минут блаженства. Вдруг Жуньшэн настойчиво толкнул его в бок:

— Слышь, Доудоу.

— М-м? — сонно отозвался тот.

— Сними-ка штаны... покажи.

— Чего?! — Юйцин аж подпрыгнул, окончательно приходя в себя. — Это ещё зачем?

— Просто покажи, — упрямо насупился Жуньшэн.

Юйцин опешил от такой наглости:

— Ещё чего! Не буду.

Будть им лет по восемь, Юйцин бы и ухом не повёл. Да и в общественной бане такое никого бы не смутило. Но выслушивать подобные требования спозаранку в постели было по меньшей мере дико.

— Да что с тобой стряслось? — искренне не понимал Юйцин. — С какой стати я должен перед тобой раздеваться? У меня там всё точно такое же, как у тебя.

Жуньшэн заметно занервничал, теряя терпение:

— Да давай быстрее, кому говорю!

Поняв, что от упряма просто так не отделаться, Юйцин со вздохом спустил трико:

— Мы же сто раз вместе в туалет ходили, будто ты там ничего не видел.

Жуньшэн придирчиво оглядел его спереди, затем без лишних церемоний перевернул Юйцина на живот и принялся изучать его голый зад. В морозное зимнее утро даже нос из-под одеяла высунуть — подвиг, а тут приходилось лежать нагишом. Справившись с неловкостью, Юйцин сердито обернулся через плечо:

— Ну что, налюбовался?

Выражение лица у Жуньшэна в этот момент было престранным: в его глазах промелькнуло явное облегчение, смешанное, однако, с глубочайшим разочарованием.

Юйцин передёрнул плечами от нахлынувшего сквозняка и быстро натянул штаны обратно:

— Ну и дубак!

Отогреваясь под одеялом, он рассудил, что остался внакладе, и возмутился:

— А теперь ты показывай. Так нечестно!

Жуньшэн, погружённый в свои мысли, мгновенно залился краской и отвёл глаза в сторону:

— Стал я тебе показывать... Не на что там смотреть.

Но Юйцин уже вошёл во вкус и с весёлым смехом потянулся к нему:

— Да ладно тебе стесняться! Сам же меня только что разглядывал.

— Перестань! — Жуньшэн отбивался изо всех сил, намертво вцепившись в резинку штанов.

Чем сильнее друг смущался, тем больше Юйцин раззадоривался. Он упорно продолжал тянуть ткань на себя:

— Ну покажи, всего один разок!

В конце концов Жуньшэн сдался. Не выдержав напора, он резко рванул штаны вниз:

— Да на, смотри! Полегчало?!

И хотя им частенько доводилось вместе бегать до ветру, вот так, в упор, Юйцин не видел его хозяйства уже очень давно. Он невольно замер, разглядывая представшую картину.

— Ого... — ошарашенно пробормотал он. — Вообще на детское не похоже. Ты... ты прямо вырос уже.

Буквально на глазах предмет его изучения начал стремительно менять форму. Юйцин услышал, как Жуньшэн тяжело сглотнул. Голос его стал хриплым и надтреснутым:

— Доудоу... Я... ты... Хочешь...

Юйцин даже не вслушался в его лепет — его собственное мужское самолюбие уязвило увиденное зрелище.

— Всё, закрыли тему, — буркнул он, отворачиваясь. — Тебя что, мочевого пузыря прижал? Иди в туалет быстрее. И вообще, трусы тебе сменить не мешало бы. Погоди, я сейчас чистые найду... Ты чего застыл?

Жуньшэн будто подавился. Лицо его полыхнуло багровым румянцем, и он выпалил с напускной

злостью:

— Сам ты замарашка! Кто тут ещё трусы не меняет!

Юйцин скептически скривился:

— Ну да, конечно. Сказать уже ничего нельзя.

Жуньшэн пулей соскочил с кровати:

— Да иди ты! Я их каждый день меняю, понял?!

Взъерошенный и злой, он сейчас до ужаса напоминал нахохлившегося попугая из квартиры Эрпана. Юйцин растянулся на матрасе и ехидно прищурился:

— Ну значит... опять ночью «мокрое дело» случилось, да?

Вся спесь с Жуньшэна мигом слетела. Он смущённо отвернулся:

— Самый умный тут выискался.

— Да ладно тебе, я же шучу, — миролюбиво улыбнулся Юйцин. Он распахнул платяной шкаф и выудил оттуда чистые плавки: — На, держи.

Жуньшэн взял бельё и недовольно покрутил в руках:

— У тебя побольше размера не нашлось? Эти же жать будут немилосердно.

— Других нет, — проворчал Юйцин. — Потерпишь как-нибудь. Или резинку надрежь, если уж так туго.

— Ладно, обойдусь, — уныло вздохнул Жуньшэн. Он поглядел на плавки и вдруг задумчиво спросил: — Слушай... помнишь, Эрпан как-то приносил нам видеокассету?

Юйцин на секунду завис:

— Помню. А что?

— Надо было тогда внимательнее смотреть, — пробормотал Жуньшэн себе под нос.

Юйцин наклонил голову набок:

— Если охота посмотреть, попроси у него ещё раз. У тебя же дома есть видик.

Жуньшэн пожал плечами:

— И то верно.

После утренней суматохи спать уже совершенно не хотелось. Юйцин натянул одежду и отправился на кухню — умываться и соображать завтрак.

Его бабушка Ли Шуминь в последние годы хоть и сохраняла бодрость духа, но возраст всё же давал о себе знать. Юйцин давно вырос и всю помогал по хозяйству. Бабушка вечно ворчала, что он недосаливает еду, но сам Юйцин считал себя вполне сносным кулинаром.

За столом Жуньшэн продолжал сидеть с хмурым видом, что, впрочем, не мешало ему за милую душу умять четыре пышные лепёшки с начинкой из яиц и зелёного лука, а под конец приговорить гигантскую пиалу пшённой каши — чаша эта была размером едва ли не с его голову.

Ко времени, когда они собрали сумки, на улице всё ещё стояла глухая ночь — стрелки часов едва переползли за половину шестого. Однако первый урок начинался уже в полседьмого, так что затягивать с выходом не стоило. Юйцин бережно упаковал железные термосы с обедом в холщовую сумку и тихонько постучал в дверь бабушкиной спальни. Приоткрыв её на ширину ладони, он негромко позвал:

— Бабушка, мы уходим! Завтрак на плите, в пароварке.

Ли Шуминь только-только проснулась. Услышав, что внук уже на пороге, она торопливо накинула на плечи тёплую кофту и принялась нашаривать домашние туфли:

— Постой! В холодильнике тарелка с тушёным карпом оставалась. Ты положил его в судок?

Но Юйцин уже закидывал школьный ранец на плечи.

— Оставьте рыбу на обед себе с мамой, — на ходу бросил он. — Мы побежали, а то опоздаем!

Схватив Жуньшэна за руку, он увлёк его за собой в подъезд, оставив за спиной заботливое бабушкино ворчание.

<http://bllate.org/book/19415/1979208>